

Научная статья

УДК 811.521, 811.161.1

DOI 10.25587/2782-4861-2025-4-173-189

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ЯПОНСКИХ И РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

Е. С. Руфова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия

e-mail: ruf2003@yandex.ru

Аннотация. В рамках данной статьи предпринимается попытка сопоставительного анализа гендерных стереотипов японского и русского языков, где гендерные роли, маскулинность и феминность рассматриваются как концепты культуры, а не биологически детерминированные факторы. Впервые особое внимание уделяется выявлению универсальных и специфических характеристик гендерных стереотипов сопоставляемых языков на примере текстов народных песен; выявляется специфика языковой репрезентации гендерных представлений в каждой анализируемой лингвокультуре. Целью исследования является выявление специфики языковой репрезентации гендерных стереотипов в текстах японских и русских народных песен. В результате исследования выявляются женские и мужские образы, передающие стереотипные представления об их роли в обществе. Большая часть исследуемого материала представлена универсальными представлениями о женщине и мужчине, что передает гендерную стереотипность образов, где женщина олицетворяет внешнюю красоту и внутреннюю мягкость, доброту, а мужчина – силу, уверенность, доминирующую роль. При этом проанализированный фольклорный материал сохраняет национальную специфику японской и славянской культур, отражает японскую и русскую языковую картину мира, что выражается посредством лексико-семантического своеобразия языковых систем. Для японской лингвокультуры явилось характерным избегание употребления прямых характеристик женской внешности через эпитеты «красивая», «милая»; практически отсутствует описание глаз, ног женщин, упоминание возраста. Мужской образ в текстах японских песен *энка* выражается через эпитеты *tsuyoi* ‘сильный’, *warui* ‘плохой’, *zurui* ‘хитрый, несправедливый’, в качестве частей тела, формирующих мужской образ упоминаются голос, запах и походка. В текстах русских народных песен довольно частым явлением оказалось использование лексем, указывающих на возраст женщины: *девчина*, *девка*, *дева*, *молoduшка*, *сударыня*, *матушка*, *старушка*, что подчеркивает и социальный ее статус. При этом возраст мужчины не имеет строгой дифференциации, но может передаваться через социальный статус «молодой удалец/ молодчик», «муж», «отец», более показательным для мужского образа является семейное положение: холост/ женат.

Ключевые слова: гендерные стереотипы; текст; смысл; женщина; мужчина; образ; роль; гендерные стереотипы в фольклорных текстах; японские народные песни *энка*; русские народные песни; феминность и маскулинность; языковая репрезентация гендерных стереотипов в песнях

Для цитирования: Руфова Е. С. Языковая репрезентация гендерных стереотипов в японских и русских народных песнях. *Эпосоведение*. 2025;4(40):173–189. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-173-189>.

Original article

Linguistic representation of gender stereotypes in Japanese and Russian folk songs

Elena S. Rufova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

e-mail: ruf12003@yandex.ru

Abstract. This article attempts to comparatively analyze gender stereotypes in the Japanese and Russian languages, where gender roles, masculinity, and femininity are viewed as cultural concepts rather than biologically determined factors. For the first time, special attention is paid to identifying universal and specific characteristics of gender stereotypes in the compared languages using folk song lyrics as an example; the specifics of the linguistic representation of gender ideas in each analyzed linguoculture are revealed. The aim of the study was to identify the specifics of the linguistic representation of gender stereotypes in the lyrics of Japanese and Russian folk songs. The study revealed female and male images that convey stereotypical ideas about their roles in society. Much of the material studied is represented by universal ideas about women and men, which convey gender stereotyping, where women embody external beauty and internal gentleness and kindness, while men embody strength, confidence, and a dominant role. At the same time, the analyzed folklore material preserves the national specificity of Japanese and Slavic cultures, reflecting the Japanese and Russian linguistic worldviews, which is expressed through the lexical and semantic uniqueness of the language systems. Japanese linguoculture is characterized by the avoidance of direct characterizations of female appearance through the epithets “beautiful” and “sweet”; descriptions of women’s eyes and legs, and mention of age are practically absent. The male image in the lyrics of Japanese *enka* songs is expressed through the epithets *tsuyoi* (strong), *warui* (bad), and *zurui* (cunning, unfair). Voice, smell, and gait are mentioned as body parts that form a masculine image. In the lyrics of Russian folk songs, the use of lexemes indicating a woman’s age is quite common: *devchina*, *devka*, *deva*, *molodushka*, *sudarushka*, *matushka*, *starushka*, which also emphasizes her social status. At the same time, the age of a man does not have a strict differentiation, but can be conveyed through the social status of “young man”, “husband”, “father”, more indicative of the male image is the marital status: single/married.

Key words: gender stereotypes; text; meaning; woman; man; image; role; gender stereotypes in folklore texts; Japanese folk songs *enka*; Russian folk songs; femininity and masculinity; linguistic representation of gender stereotypes in songs

For citation: Rufova, E. S. Linguistic representation of gender stereotypes in Japanese and Russian folk songs. *Eposovedenie*. 2025;4(40):173–189 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-173-189>.

Введение

Гендерные исследования являются объектами многих междисциплинарных работ, в т. ч. в сопоставительном аспекте. Это вполне объясняется богатством исследуемого материала, т. к. гендерные особенности отражаются не просто в конкретном языке, но концентрируют в себе социальные, культурные, психологические, экономические и др. факторы, влияющие на взаимоотношения в социуме. Фокусировка гендерных исследований из сферы физиологии в область гуманитарных наук позволила более широкую интерпретацию данной проблематики, где гендерные роли, маскулинность и феминность рассматриваются как концепты культуры, а не биологически детерминированные факторы. В каждом языке выделяются гендерные лексические маркеры, семантические параллели которых определяются в структурном, лексическом, семантическом планах. Преимущественно это объясняется универсальными факторами (физиология, социальные роли, чувственно-эмоциональный фактор, основные процессы жизненного цикла человека и т. д.). Выделение общих тенденций позволяет установить специфические характеристики языка, выявить присущие ей приоритеты и раскрыть лингвокультурологическую специфику гендерных маркеров. В этой связи актуализируются и специально рассматриваются

гендерные стереотипы в японском и русском языках в сопоставительном аспекте. Впервые особое внимание уделяется выявлению универсальных и специфических характеристик гендерных стереотипов сопоставляемых языков на примере текстов народных песен; выявляется специфика языковой репрезентации гендерных представлений в каждой анализируемой лингвокультуре.

Целью исследования является выявление специфики языковой репрезентации гендерных стереотипов в текстах японских и русских народных песен.

В соответствии с поставленной целью определяются следующие *задачи*: выявить специфику вербализации гендерных стереотипов в текстах японских песен *энка*; определить лексико-семантические особенности выражения гендерных стереотипов в текстах русских народных песен; выявить универсальные и специфические характеристики языковой репрезентации гендерных стереотипов в японской и русской лингвокультурах.

При решении задач, определенных в работе, использовались следующие *методы* исследования: метод сплошной выборки для отбора практического материала исследования; метод словарных дефиниций и концептуального анализа для выявления семантических значений анализируемых лексем и словосочетаний; когнитивно-прагматический метод, позволивший установить и описать когнитивные механизмы, лежащие в основе конструирования образного значения используемых лексем и стилистических приемов.

Данное исследование фокусируется на лингвистическом аспекте песенного дискурса и в качестве объекта исследования выделяются только тексты песен, при всем понимании важности всех составляющих песен как мелодия, мотив, образ артиста и т. д. Материалом исследования послужил корпус текстов народных песен японских и русских исполнителей: Misora Hibari (Мисора Хибари), Hikawa Kiyoshi (Хиракава Киеси), Fuji Keiko (Фудзи Кэйко), Yashiro Aki (Ясиро Аки), Надежда Кадышева, Надежда Бабкина, ансамбль «Золотое кольцо» и др. В рамках данного исследования методом сплошной выборки были отобраны 200 единиц японских народных песен *энка*, представленных на японском сайте музыкальной дистрибуции mora.jp¹, управляемым компанией Sony Music Solutions, а также 200 единиц русских народных песен с сайта «Сборник русских народных песен»².

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных исследователей В. В. Красных [1], Е. Ф. Тарасова [2], Н. В. Уфимцевой [3], И. Е. Лукьященко [4], Ю. И. Злобиной [5], посвященные изучению научной проблемы стереотипа в современной психолингвистике; исследования А. А. Долина [6], С. В. Яковенко [7], А. А. Шульга [8], Д. М. Смирновой [9], С. Р. Мингазовой [10], в которых японский фольклор выступает объектом исследования; научные работы по гендерным исследованиям А. С. Вдовиной [11], А. И. Софроновой [12], Е. А. Смердовой [13], А. А. Романко [14], О. В. Крыловой [15], О. Б. Максимовой [16], Ю. А. Топорковой [17], а также работы Р. Е. Вотиновой [18], Т. А. Матасовой [19], З. А. Кузнецовой [20], Е. А. Хромушиной [21], Д. И. Петренко [22] по русскому фольклору.

В рамках данного исследования стереотипы рассматриваются как важные составляющие языковой картины мира, формирующие константы для определенной лингвокультурной общности. В. В. Красных понимает под стереотипом некоторое «представление» фрагмента окружающей действительности, фиксированную ментальную «картинку», являющуюся результатом отражения в сознании личности «типового» фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира [1, с. 178]. Н. В. Уфимцева под стереотипом понимает «устойчивое культурно детерминированное представление человека о мире, существующее как в виде ментального образа, так и в виде вербальной оболочки. Стереотипы выполняют функции схематизации и упрощения, формирования и хранения групповой идеологии, а также

¹ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: https://mora.jp/special/enka_kayo (дата обращения: 05.11.2025)

² Сборник русских народных песен [Электронный ресурс] URL: <https://pesni.kakras.ru/> (дата обращения: 05.11.2025)

способствуют закреплению социальных традиций» [3, с. 180]. Таким образом, стереотип может также исследоваться с позиций языкового сознания, которое описывает язык как достояние группы людей в зависимости от внешних условий (национальность, пол, возраст профессия, социальное положение), а также отражает отношение людей к действительности.

В этой связи актуализируется изучение текстов народных песен как речевого элемента коммуникативного акта. Жанр народных песен относят к коллективному авторству, передающих культурные знания, определенные установки и основы коммуникации, вербализирующие в своих текстах представления о мире, суждения и интенции. Изучение текстов народных песен позволит выявить языковую репрезентацию гендерных стереотипов, т. к. эти тексты отражают и закрепляют устойчивые, упрощенные образы мужчин и женщин, их роли и качества, тем самым передавая стереотипные представления из поколения в поколение. Анализ лексики и сюжетов позволит понять, какие ожидания и нормы, связанные с полом, существовали в обществе, и как они проявлялись в языке фольклора.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные материалы и результаты могут быть использованы для дальнейшего развития исследований в области сопоставительной лингвистики и фольклористики. Практическая значимость работы в том, что результаты исследования могут найти прикладное применение при изучении семинаров по японскому и русскому языкам, а также фольклору. Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы при создании учебных пособий, сборников фольклора.

Специфика гендерных стереотипов в текстах японских народных песен *энка*

Японская классическая и современная литература является объектом пристального изучения многих специалистов, когда как японский фольклор представлен достаточно фрагментарно. Среди работ отечественных исследователей можно выделить работы А. А. Долина, в которых автор выделяет специфику песен «весёлых кварталов» *коута* как «пример успешной адаптации и трансформации самых разнообразных жанров и форм фольклорной лирики – от плясовых песен с ритмичными припевами, лишёнными семантической нагрузки, до длинных сюжетных баллад и описаний различных местностей в жанре поэтического путеводителя» [6]. С. В. Яковенко рассматривает фольклор как исторический источник [7], исследователи А. А. Шульга, Д. П. Шульга изучают фольклорный пласт рисоводческого обрядового цикла Японии и Кореи [8]. Работы Д. М. Смирновой посвящены изучению текстов *энка* в обучении японскому языку в рамках лингвокультурологического подхода [9].

Энка является народной культурой, представляющей собой жанр традиционной японской музыки и баллад, возникший в XIX в. и отражающий идеализированные аспекты японского мировоззрения [6]. Исследователи подчеркивают, что данный жанр характеризуется уникальной вокальной техникой *кобуси*, а его песни передают эмоции и темы, связанные с любовью, потерями и разлукой, затрагивая социальные аспекты японской жизни [7].

В рамках данного исследования методом сплошной выборки были отобраны 200 единиц текстов японских песен *энка*, представленных на сайте mora.jp, японском сайте музыкальной дистрибуции, управляемом компанией Sony Music Solutions, входящей в группу Sony Music Entertainment (SMEJ). *Энка* является специфичным японским музыкальным жанром, распространённым преимущественно среди взрослого населения Японии. В качестве материала исследования были отобраны тексты песен из творчества таких исполнителей, как Misora Hibari (Мисора Хибари), Hikawa Kiyoshi (Хиракава Киеси), Fuji Keiko (Фудзи Кэйко), Yashiro Aki (Ясиро Аки).

В ходе анализа мы рассмотрели отдельные лексемы и словосочетания, формирующие образ женщины и мужчины в отобранных песенных композициях, что позволило выделить 2 тематические группы, составляющие гендерный образ:

1. Характеристики, относящиеся к внешности женщины и мужчины;
2. Характеристики, относящиеся к чертам личности женщины и мужчины.

Внешность как составляющая образа человека является важной характерной чертой, что еще более актуализируется в гендерном аспекте. Однако, в ходе анализа было выявлено, что первая тематическая группа является не особо репрезентативной в контексте японских песен *энка*. Так, основные характеристики женского внешнего вида вербализуются в японских текстах *энка* через описание отдельных элементов тела, формирующих привлекательный образ – волосы (26,5%), кожа (12%), плечи (9%), губы (9%), грудь (2%): *nagai kami* ‘длинные волосы’, *kuroi kami* ‘темные волосы’, *kagayaku hada* ‘сияющая кожа’, *kata o daite* ‘плечи, которые хочется обнять’, *kuchibiru mo* ‘и твои губы’, *koi matteiru mune* ‘грудь, ждущая любви’. При описании внешности мужчин встречаются такие эпитеты как *tsuyoi* ‘сильный’ (44%), *otona* ‘взрослый’ (29%), *oona* ‘большой, высокий’ (9%), в качестве частей тела, формирующих мужской образ упоминаются голос (34%), запах (21%) и походка (12%): *wasurarenai koe* ‘незабываемый голос’, *anata no koe o suru* ‘услышать твой голос’, *jibun no koe* ‘свой голос’, *sugao wo misenai* ‘не показываешь истинное лицо’, *anata no nioi* ‘твой запах’, *nioi no omoide* ‘воспоминания запаха твоего’, *asidori* ‘походка’ и т. д.

*Maegami wa sayuu ni shite koshi made nobashi, ushiro wa koshi no atari made zanbara ni shite, kiroi gomu de shibatte ori...*³ ‘Передние пряди волос спускаются слева и справа до пояса, создали растрёпаны до нижней части пояса и перевязаны жёлтой резинкой...’⁴ (“*Sen no kaze ninatte*” ‘Превратившись в тысячу ветров’).

*Kogoeru kuchibiru de anata o yobu koe ni naranai sabishisa yo*⁵ ‘Я зываю к тебе своими застывшими губами, своим безмолвным одиночеством’ (“*Namida no kampai*” ‘Тост из слез’);

*Hyotenka no yoru ni shiroi hada anata no nukumori sagashite iru*⁶ ‘В морозную ночь я ищу твоего тепла на своей бледной коже’ (“*Ichigoichie*” ‘Встреча, которая бывает раз в жизни’);

*Natsukusa no kaori anata no kami ni fureta yubi ni nokoru awai zankyou*⁷ ‘Запах летней травы в твоих волосах, слабое эхо остается, когда мои пальцы касаются их’ (“*Chijyou no hoshi*” ‘Звезды над землей’);

*Tsuyoi otoko no senaka ni houyosete koori no ame furishikiru*⁸ ‘Моя щека прижата к спине крепкого мужчины, а сверху льет ледяной дождь’ (“*Kita no yado*” ‘Дом на Севере’).

Так, проанализированные примеры свидетельствуют о том, что визуальные признаки не являются первостепенными для формирования женского и мужского образов в текстах японских *энка*. При описании внешней характеристики женского образа не встречаются такие эпитеты как «красивая», «милая», привлекательность женского образа раскрывается через косвенное описание внешности, где важными частями тела выступают волосы, плечи, губы и кожа. Для передачи мужской внешности используются эпитеты, которые описывают рост и силу мужчины, а голос, походка и запах, формируют привлекательность его образа.

Наиболее репрезентативной в формировании гендерного образа явилась вторая тематическая группа, описывающая черты характера и личности человека. В результате анализа было определено, что с женщиной в текстах японских песен *энка* чаще всего ассоциируются такие черты, как молчаливость, покорность, хрупкость:

*Fukami ni hamatta onna no yowami*⁹ ‘слабость женщины кроется в глубине’ (“*Amayadori*” ‘Укрытие от дождя’);

³ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000010/4988004103162/> (дата обращения: 05.11.2025).

⁴ здесь и далее перевод автора статьи

⁵ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000014/NOPA-6268/> (дата обращения: 05.11.2025).

⁶ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000014/NOPA-3567/> (дата обращения: 06.11.2025).

⁷ Там же.

⁸ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000014/KICM-30987/> (дата обращения: 06.11.2025).

⁹ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000010/4988004165764/> (дата обращения: 05.11.2025).

*Kurushimi kanashimi koi ni wa tsukimono*¹⁰ ‘мои спутники любви – это боль и печаль’ (*“Furaretsuideni”* ‘Влюбленная’);

*Naite sutetari dekinai onna desu*¹¹ ‘женщина, которая плачет и не может его бросить’ (*“Namida no kampai”* ‘Тост из слез’).

Образ женщины в текстах японских песен *энка* зачастую представлен через слезы, плачь, грусть и одиночество:

*Namida poro poro poro poro*¹² ‘люются слезы, льются и льются’ (*“Tsuwabuki”* ‘Японский Граб’);

*Namida mo sutete nasake mo suttee*¹³ ‘отброшу свои слезы и чувства’ (*“Yoru wo toorou”* ‘Ночь пройдет’);

*Koi suru onna no kodoku no fuchi niwa*¹⁴ ‘на грани одиночества влюбленной женщины’ (*“Meguri ai”* ‘Встреча’);

*Namida nashi dewa katarenu hibi mo*¹⁵ ‘те дни, когда не могу говорить без слез’ (*“Furaretsuideni”* ‘Влюбленная’).

Для придания тексту глубины и особой выразительности в японских песнях *энка* можно проследить использование метафор, которые раскрывают женский образ:

*Hane o mogareta chouchou ga uzukumaru*¹⁶ ‘свернувшаяся бабочка с вырванными крыльями’ (*“Namida no kampai”* ‘Тост из слез’);

*Michi o erabu youyu mo naku jibun o erabu youyu mo naku*¹⁷ ‘я не могу позволить себе выбирать свой путь, я не могу позволить себе выбирать себя’ (*“Furaretsuideni”* ‘Влюбленная’);

*Tsuki ni kakurete sareru mama*¹⁸ ‘остаюсь покинутой, спрятавшись в лунном свете’ (*“Mukashimo imamo”* ‘И тогда, и сейчас’).

Большинство примеров, которые ассоциируются или характеризуют женский образ представлены в пессимистичных оттенках, с определенной ноткой грусти и печали. В связи с чем, очень выделяются единичные примеры, где женщина предстает в противоположном этому образе:

Kimi wa ima mo saite imasu ka? ‘ты и сейчас цветешь?’

*Dare no tame ni saite imasu ka?*¹⁹ – ‘для кого же ты цветешь?’ (*“Murasaki ujyo”* ‘Сиреневый дождь’).

Интересным оказался пример, когда женщина описывается свободной от любви и отношений с мужчиной:

Yatto waraeru no yo ‘наконец я могу улыбаться’;

*Mainichi isogashiku shiteiru wa*²⁰ ‘каждый день я занята!’ (*“Yumeitirin”* ‘Цветок сливы’).

В данном примере лексема «улыбаться» является противопоставлением плачущей женщине, что еще более усиливается наречием «наконец», а эпитет «занятая» характеризует женщину свободную от ожидания мужского внимания, которая занята своими собственными делами.

¹⁰ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/artist/54457/> (дата обращения: 22.12.2025).

¹¹ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000014/NOPA-6268/> (дата обращения: 05.11.2025).

¹² Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000011/4580789576850/> (дата обращения: 06.11.2025).

¹³ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000010/TECE-11559/?trackMaterialNo=10856756> (дата обращения: 06.11.2025).

¹⁴ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000010/TECE-11559/?trackMaterialNo=10856756> (дата обращения: 07.11.2025).

¹⁵ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/artist/54457/> (дата обращения: 07.11.2025).

¹⁶ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000014/NOPA-6268/> (дата обращения: 07.11.2025).

¹⁷ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/artist/54457/> (дата обращения: 06.11.2025).

¹⁸ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: https://mora.jp/package/43000013/CODA-288_L44/ (дата обращения: 06.11.2025).

¹⁹ Там же.

²⁰ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000014/NOPA-6258/> (дата обращения: 07.11.2025).

Мужской образ в текстах японских *энка* характеризуется эпитетами *warui* ‘плохой’ (44%), *zurui* ‘хитрый, несправедливый’ (42%), *honki nai* ‘притворяющийся, нечестный’ (17%), что передает негативную коннотацию мужского образа. Такой образ подкрепляется метафорами, которые позволяют раскрыть мужчину и его поступки через яркие и неожиданные сравнения, усиливая воздействие использованных эпитетов:

*Umaku bakete iru ne, Miwake ga tsukanai hodo ni*²¹ ‘ты так хорошо замаскировался, что сложно заметить разницу’ (“*Furaretsuideni*” ‘Влюбленная’);

*Otokogokoro wa kaze yori karui*²² ‘сердце мужчины легче ветра’ (“*Okiniiri okiniiri*” ‘Любимый, любимый’);

*Nekutai de kubi o shimete, Arakure o tsunagitometemo*²³ ‘связав галстуком свою шею, пытаешься скрыть все и связать’ (“*Onna no fuyugeshiki*” ‘Зимние пейзажи женщины’).

Образ мужчины в текстах японских песен *энка* зачастую представлен в виде предателя и сердцеда, который обманывает женщин и заставляет страдать. Поступки мужчин характеризуются как приносящие боль и слезы. Вместе с тем, мужской образ раскрывается через чувства и желания женщины, которая готова любить и не может его забыть:

*Hanarerarenai hito ga iru*²⁴ ‘человек, от которого не могу отдалиться’ (“*Namida no kampai*” ‘Тост из слез’);

*Anata no ushiro arukitakatta*²⁵ ‘хотела идти за тобой’ (“*Hitorigurashi*” ‘Одинокая жизнь’);

*Anata no nukumori wo sono nukumori wo omoidashi*²⁶ ‘я помню тепло, твое тепло’ (“*Mukashimo imamo*” ‘И тогда, и сейчас’).

В текстах песен *энка* мужчину часто вербализируют личным местоимением *anata* ‘ты’, которое можно также перевести как ‘дорогой’, ‘любимый’:

*Sayonara anata watashi wa kaerimasu*²⁷ ‘прощай, дорогой, я возвращаюсь домой’ (“*Manten no hoshi*” ‘Небо, полное звезд’);

*Anata onegai kaettekite yo*²⁸ ‘дорогой, пожалуйста, возвращайся домой’ (“*Namida no kampai*” ‘Тост из слез’).

Таким образом, в текстах японских песен *энка* образ женщины и мужчины формируется через описание внешних черт, а также посредством описания личных характеристик человека. В целом, можем утверждать, что на примере проанализированных песен складывается лирический образ женщины, которая страдает в разлуке и одиночестве, предстает плачущей, жаждущей мужского внимания и взаимной любви. Мужской образ представлен стереотипным поведением героя, который предаст, не ценит и не способен выражать свои чувства.

Личные характеристики, составляющие образ женщины в текстах японских песен, свидетельствуют о пассивной роли женщины в социуме, покорность, беспомощность и зависимость женщины раскрывают тему стереотипного представления о патриархальном обществе. Такие качества мужского образа в текстах песен *энка*, как хитрость, жестокость, грубость и безжалостность еще более оттеняются антонимичными характеристиками женского образа, как наивность, мягкость, боязливость и жертвенность.

²¹ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/artist/54457/> (дата обращения: 22.12.2025).

²² Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000016/TKCA-73379/> (дата обращения: 07.11.2025).

²³ Там же.

²⁴ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000014/NOPA-6268/> (дата обращения: 07.11.2025).

²⁵ Там же.

²⁶ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: https://mora.jp/package/43000013/CODA-288_L44/ (дата обращения: 07.11.2025).

²⁷ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000189/NOPA-6271/> (дата обращения: 07.11.2025).

²⁸ Japanese music genres MORA [Электронный ресурс] URL: <https://mora.jp/package/43000014/NOPA-6268/> (дата обращения: 07.11.2025).

Специфика гендерных стереотипов в текстах русских народных песен

Для выявления специфики гендерных стереотипов методом сплошной выборки было отобрано 200 единиц русских народных песен с сайта «Сборник русских народных песен» (<https://pesni.kakras.ru/>). Известными исполнителями народных песен можно назвать таких артистов, как Надежда Кадышева, Надежда Бабкина, ансамбль «Золотое кольцо».

В ходе анализа мы рассмотрели отдельные лексемы и словосочетания, формирующие образ женщины и мужчины в отобранных текстах песен, что позволило выделить 2 тематические группы, составляющие гендерный образ:

1. Характеристики, относящиеся к внешности женщины и мужчины;
2. Характеристики, относящиеся к чертам личности женщины и мужчины.

В текстах народных песен основные характеристики женского внешнего вида вербализируются эпитетами «красивая» (54%), «молодая» (53%), «милая» (49%), а также синонимичными им лексемами и их производными:

Ох, пошла вперёд носочком

***Раскрасавица** моя!*

*... Эх, дотошная **красотка**! («Встань, пройдишь»)²⁹;*

Ах, утушка моя, луговая,

***Молодушка** моя **молодая** («Утушка луговая»).*

Более того внешность женского образа детализируется через описание отдельных частей тела, которые позволяют визуализировать образ в целом. Наиболее активной оказалась лексема «глаза/очи» (48%):

Мыла Марусенька белые ноги,

*Белые ноги, **лазорева** **очи** («На речке, на речке»);*

*Как завижу **черноокою** –*

Все товары разложу («Утушка луговая»).

В данных примерах представлены описания глаз двух цветов – голубые и черные, что идентифицирует два основных типажа женского образа, встречающихся в народных песнях. Более того, эпитет «лазорева», происходит от старославянского «лазурь», описывает различные оттенки синего от бледно-голубого до глубокого синего, а в сочетании с белой кожей помогает выстроить описание «светлоокой» женщины, что тоже встречается в текстах песен.

Также к описаниям отдельных элементов тела, формирующих привлекательный женский образ можно отнести лицо (36%), волосы (34%), губы (12%):

Во саду ли, в огороде

Девуца гуляла,

Невеличка, круглоличка,

*Румяное **личко** («Во саду ли, в огороде»);*

А в субботин день

*Русу **косу** чесала («Ехал поле, ехал второе»);*

*Руса **коса** до пояса,*

*В **косе** лента голуба! («На бережку»).*

В данных примерах дается описание девушки с круглым лицом, румянцем, что свидетельствует о физическом здоровье девушки. Длинные волосы, вплетенные в косы, являются культурно значимым элементом в славянской традиции. Длинную косу носили девушки, достигшие

²⁹ Сборник русских народных песен [Электронный ресурс] URL: <https://pesni.kakras.ru/> (дата обращения: 08.11.2025). (Здесь и далее: примеры песен взяты с одной веб-страницы)

брачного возраста, что имеет большое значение в народной традиции и отражено в текстах русских народных песен.

Внешнее описание женского образа раскрывается также через описание женского гардероба, чаще всего в текстах песен находим описание платка (26%), сапожек (9%), сарафана (7%):

*Ох махнула ты **платочком**,
Разуважила меня,
Ох пошла вперёд **носочком**,
Раскрасавица моя! («Встань, пройдишь»);*

*Сошьём, сошьём Дуне,
Сошьём Дуне **сарафан, сарафан**,
Сошьём Дуне **сарафан, сарафан**.
Носи, носи, Дуня,
Носи, Дуня, не марай, не марай,
По праздничкам надевай, надевай («Во кузнице»);*

*Пойду ль я, выйду ль я,
Во дол во долинушку...
А на ножках **сапожки** новые,
А на ручках золотые перстни... («Во дол, во долинушку»).*

Описание внешнего облика мужчины в русских народных песнях преимущественно описывается посредством эпитета «молодой» и производных лексем (65%):

*Как шли-пришли парни **молодые**,
Молодчики ой, да удалые! («Утушка луговая»);*

*За ней ходит, за ней бродит
Удалой **молодчик** («Во саду ли, в огороде»).*

В данных примерах значение «молодой» ассоциируется с образом юноши, возлюбленного и лирического героя, в которого влюблена юная девушка. Такое описание чаще является противопоставлением взрослому мужчине/мужу, за которого выдают замуж молодую девушку:

*Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за **старого** замуж.*

*За **старого**, за **старого**,
Я старого мужа насмерть не люблю («Во лузях»).*

Данный факт подкрепляется упоминанием конкретного возраста жены и мужа в тексте песни, тем самым можно предположить, что образ мужа представлен взрослым человеком, намного старше жены, когда как описание через эпитет «молодой» может употребляется в значении «любимый»:

*Тебе **тридцать, тридцать**, вот,
А мне **семнадцатый** идёт.*

*Да у ты **рожа бородата**,
Я девчонка **молода**! («Топится в огороде баня»).*

Внешнее описание мужского образа детализируется через описание одежды, где основными атрибутами является головной убор и военная форма:

*Ой, да сорвали **чёрну шапку**
С моей буйной головы («Черный ворон»);
Он во горенку вошёл,
Кушак с шапкою нашёл! («Как со вечера пороша»);*

*Наверно, милый мой идёт.
На нём защитна гимнастёрка –
Она с ума меня сведёт.
На нём погоны золотые
И яркий орден на груди! («Вот кто-то с горочки спустился»).*

На Руси шапка являлась не просто головным убором и предметом одежды, а больше свидетельствовала о статусе мужчины. Употребление этого слова встречается во фразеологических выражениях. К примеру, устойчивое выражение «По Сеньке шапка, по Ереме колпак» означает «каждому честь – по заслугам», речь идет о шапке как о принадлежности к определенному кругу, статусной вещи, то есть каждый должен претендовать на то, что заслуживает.

Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что при описании внешней характеристики женского образа встречаются такие эпитеты как «красивая», «милая», «молодая». Привлекательность женского образа подкрепляется через косвенное описание внешности, где важными частями тела выступают глаза, волосы, кожа, а также детализируется через описание одежды и обуви. Для передачи мужской внешности используются эпитеты, которые описывают возраст и молодость, а шапка и военная форма формируют привлекательность его образа.

Также были проанализированы примеры формирования гендерных образов через описание черт характера и личности человека. При описании девушек встречаются эпитеты «веселая» (11%), «скромная» (5%), что характеризует наивность, невинность, веселый нрав молодых девушек:

*Понравилась мне, молодцу,
Весёлая девчонка!
Уж больно мне понравилась
Смышлёная девчонка! («Мы на лодочке катались»);*

*На гулянье при народе
Стал он девуку целовать,
А девчонке стыдно стало,
Стала плакать и рыдать («Сама садик я садила»).*

В примерах, где упоминается жена встречаются описания грустной, печальной женщины, вечно ждущей своего мужа:

*Эх, матушка, грустно мне,
Боярыня, скучно мне,
Ой, да люли, ой, да люли,
Боярыня, грустно мне («Матушка»);*

*По Муромской дорожке
Стояли три сосны...
А я ему внимала
Беспечною душой...
И с этой кручиной
Я ночи не спала,
Сидела на крыльчке,
Всё милого ждала... («По Муромской дорожке»).*

Однако находим примеры русских народных песен, где в ироничной форме показан жестокий нрав жены, способной даже на убийство мужа. В данных примерах изображаются различные типы семейных взаимоотношений, в том числе неблагополучные:

*Мне не жаль, мне не жаль
Мово мужа старого...*

*Только жаль, только жаль –
На нем шуба новая... («Мне не жаль, мне не жаль»);*

*Ходила по раменью,
Брала беремья каменью,
Положила старому мужу за пазуху,
Спустила на Неву-реку...
Смотрю с горы:
То нога, то рука вверх,
А всё буйна голова ко дну... («Ходила по раменью, брала беремья
каменью»).*

Также в текстах народных песен можно встретить примеры, когда мужчина пытается привлечь женщину материальными вещами:

*Да за свой карман принимайся, принимайся,
За свой карман-карманину, карманину:
Во кармашке денежки шевелятся, шевелятся,
К вам, девушкам, норовятся, норовятся!
Сватушка – гость богатый, тороватый;
Он с гривны на гривну ступает,
Он рублем ворота запирает,
Он полтиной ворота отпирает («Да и богат Василий»).*

В данном примере молодой человек, который сватается к девушке, характеризуется через его материальный достаток, описывается конкретное наличие денег в качестве привлекательности жениха. Здесь дана косвенная характеристика таких женских качеств как «корысть», «материальная заинтересованность», «алчность».

Женский образ также формируется через чувства мужчины, которые вербализуются через обращения: «молoduшка» (36%), «любuшка» (29%), «голубушка» (12%), «казнобушка» (7%), «сударыня-барыня» (6%), «душечка» (6%), «кумушка» (4%), что свидетельствует о теплом и трепетном отношении мужчины, который обращается, используя ласковые слова в уменьшительно-ласкательном наклонении. В народных песнях девушек называют такими лексемами как «девица», «дева», «девка», «девонышка», «дивчина»:

*Во саду ли, в огороде **девица** гуляла («Во саду ли, в огороде»);
Ой, **дева** моя, белая лебедь,
Сегодня **дева**, а завтра – жена,
Плачь, **дева**, по девичьей воле,
По вольной **девацкой** стороне («Ой, дева моя»);*

*Девонька милая,
девонышка славная,
девонышка, радость моя! («Девонька милая»).*

Данные примеры свидетельствуют об одном из распространенных женских образов в текстах народных песен – это образ юной и красивой девушки, которая ждет любви или любит, о которой думает и мечтает молодой возлюбленный.

Еще одним женским образом является образ матери, который представлен сравнительно меньше, но обязательно присутствует в очень значимых жизненных моментах:

*Приведи-ка ко мне, **мамонька**,
Да приведи, **государыня**,
Кого прежде любила! («Приведи-ка ко мне, мамонька,»;*

*Ах ты **мати**, моя **матушка**,
Ах ты **мати**, **государыня** моя!
Ты на что, **мати**, хорошу родила,
На что, **мати**, пригожу родила... («Ах ты **мати**, моя **матушка**»);*

*А тот первый он да неверный
Ой, не отдай меня **мать** («Как хотела меня **мать**»).*

В первых двух примерах дочь жалуется матери на горькую судьбу, какие-то жизненные трудности и любовные обстоятельства. В третьем примере, девушка просит мать не выдавать замуж за неверного мужчину. Данные примеры свидетельствуют о том, что в важные моменты жизни, как смерть, женитьба мать является важным человеком, мудрым советчиком, защитником, источником тепла, поддержки и доброты.

Образ отца также представлен в текстах песен русских народных песен, но чаще характеризуется как «строгий», «грозный»:

*На родимой на сторонке
Грозен батюшка живёт!
... я не слушала **отца**,
Спотешала молодца! («Ах вы сени, мои сени»).*

В приведенном примере выстраивается образ сурового и строгого отца, который представлен как глава семьи, источник дисциплины и порядка, носитель семейных ценностей.

В целом, для русских народных песен характерна вербализация мужского образа через чувства и желания женщины, которая открыто их проявляет, обращаясь к возлюбленному как «милый», «дорогой»:

*Не увижу ль я своего **милого**,
Сердцу **дорогого**,
... Ох, мой яхонт **дорогой** («Выйду ль на реченьку»;*

*Зачем же ты, **желанный**, не идешь.
Я жду, и вот приходит **долгожданный**,
Целует нежно, за руку берет,
Ах, **милый мой**, **дружочек ненаглядный**!
(«Зачем тебя я, милый мой, узнала»).*

Данные примеры выстраивают образ молодого мужчины, который дорог сердцу, любим и желанен, является объектом любви и переживаний девушки.

Однако, в проанализированных примерах встречается негативная коннотация мужского образа:

*А тот первый он да **неверный**,
Ой, не отдай меня **мать**!
... Ах, что это за мальчишка,
Разбессовестный такой!
... А тот пятый **пьяница проклятый**,
Ох, не отдай меня **мать** («Как хотела меня **мать**»).*

Негативная характеристика мужского образа в текстах русских народных песен встречается в контексте описания его неверности:

*А мой самый **дорогой**.
Не успела моргнуть,
Да **убежал уже к другой** («Топится в огороде баня»);*

*С чарами ты справился
И **ушел к другой** («В роще пел соловушка ...»).*

В данных примера неверность возлюбленного упоминается как факт или данность, которая не несет в себе прямой негативной коннотации, но косвенно характеризует мужской образ. Также можно утверждать, что нежелание выходить замуж за пьющего мужчину свидетельствует об отрицательной характеристике данного мужчины.

Так, в текстах русских народных песен выстраиваются многогранные образы женщины и мужчины, представленные чаще в образе «девушки и юноши», «жены и мужа», «матери и отца», что свидетельствует о стереотипном представлении феминности и маскулинности в русской традиционной культуре.

Обсуждение

В результате сопоставительного исследования гендерных стереотипов в текстах японских и русских народных песен пришли к следующим выводам:

Народные песни, представляя собой устное народное творчество, выступают одним из способов передачи знаний и накопленного опыта, тем самым выполняют кумулятивную функцию. В текстах народных песен передавались социальные установки общества, семейные традиции и ценности, в том числе представления об отношениях между женщинами и мужчинами.

В текстах японских народных песен *энка* и русских народных песнях четко прослеживается принцип бинарности как способ осмысления и организации культуры через противопоставление двух противоположных понятий, где значение одного понятия определяется через его контраст с другим. Это универсальный механизм, который проявляется в таких парах, как «женщина-мужчина», «жена-муж», «мать-отец» и помогает формировать идентичности и смыслы.

В проанализированных примерах именно в гендере находим отражение стереотипных представлений о женских и мужских образах и их взаимоотношениях.

При всей универсальности проявления гендерных стереотипов в текстах народных песен находим специфические черты, характеризующие каждую лингвокультуру отдельно.

Так, в качестве основного женского образа в японских песнях *энка* выступает образ страдающей от неразделенной любви женщины, которая проживает свои чувства сквозь слезы, одиночество и разлуку. Вербализация женского образа передается, преимущественно, через описание отдельных элементов тела: *nagai kami* 'длинные волосы', *kuroi kami* 'темные волосы', *kagayaku hada* 'сияющая кожа', *kata o daite* 'плечи, которые хочется обнять', *kuchibiru mo* 'и твои губы', *koi matteiru mune* 'грудь, ждущая любви'. В японских песнях *энка* с женщиной чаще всего ассоциируются такие черты, как молчаливость, покорность, хрупкость, слабость, слезливость, печаль.

Мужской образ в текстах японских песен *энка* выражается через эпитеты *tsuyoi* 'сильный', *otona* 'взрослый', *oona* 'большой, высокий', в качестве частей тела, формирующих мужской образ упоминаются голос, запах и *походка*: *wasurarenai koe* 'незабываемый голос', *sugao wo misenai* 'не показываешь истинное лицо', *anata no nioi* 'твой запах', *asidori* 'походка' и т. д. Тем не менее в проанализированных примерах складывается негативный образ мужчины, который вербализируется через такие эпитеты, как *warui* 'плохой', *zurui* 'хитрый, несправедливый', *honki nai* 'притворяющийся, нечестный'.

Таким образом, можем утверждать, что в японских народных песнях *энка* особенно подчеркивается стереотипная фемининность и маскулинность, где женщины представлены слабыми, эмоциональными, жертвенными, а мужчины – сильными, мужественными, доминирующими. Для японской лингвокультуры оказалось характерным избегание употребления прямых характеристик женской внешности через эпитеты «красивая», «милая»; практически отсутствует описание глаз, ног женщин, упоминание возраста. Это вполне объясняется историческими и культурными факторами, когда прямой взгляд мог расцениваться как агрессия или проявление бескультурья, а подчеркивание возраста как оскорбление и бестактность. В целом, женский и мужской образы в текстах японских песен *энка* достаточно однозначны и однотипны, четко разграничиваются, не допускается изменение социальных ролей. Это совершенно не типично

для текстов современных японских песен, где доминирующими образами являются образы независимой, сильной красотки и эмпатичного, чувствительного юноши. Более того, размытие гендерных границ, подчеркивание андрогенной внешности, где сочетаются женские и мужские физические признаки является одной из основных характеристик современной субкультуры Японии.

Женский образ в русских народных песнях достаточно многогранен, проявляется в трех основных возрастных и социальных ролях: юная девушка, жена и мать. Каждый из образов имеет отдельное стереотипное представление, где девушка всегда представлена юной, молодой; женщина – женой, замужней женщиной, а мать чаще старенькой, возрастной женщиной. Для русской лингвокультуры свойственно вербализация женского образа через эпитеты «красивая», «милая»; к описаниям отдельных элементов тела, формирующих привлекательный женский образ можно отнести лицо, волосы, губы. Детализация внешнего облика достигается через описание одежды и обуви, где к доминирующим элементам можно отнести платок/лента, сапожки, сарафан, это вполне объяснимо представлениями о женском русском традиционном костюме. Основными элементами которого были сарафан и рубаха, из обязательных атрибутов – головной убор и обувь, которые в зависимости от возраста и сезона могли быть представлены лентой, кокошником, венком, платком и лаптями, сапогами.

Мужской образ в текстах русских народных песен представлен через оппозицию внешнего описания «молодой/старый», где молодым предстает лирический герой, объект трепетных чувств девушки, характеризующийся такими эпитетами как «любимый», «милый», «ненаглядный» и «желанный». Старый мужчина представлен в образе отца, который выступает источником силы, дисциплины и основ семейного уклада, а также в образе мужа, который намного старше жены, что несет преимущественно негативную коннотацию.

В текстах русских народных песен довольно частым явлением оказалось использование лексем, указывающих на возраст женщины: девчина, девка, дева, молодушка, сударыня, матушка, старушка, что подчеркивает и социальный ее статус. При этом возраст мужчины не имеет строгой дифференциации, но может передаваться через социальный статус молодой удалец/молочик, муж, отец, более показательным для мужского образа является семейное положение: холост/женат.

Таким образом, можем утверждать, что в русских народных песнях также подчеркивается стереотипная фемининность и маскулинность, где женщины представлены красивыми, веселыми, эмоциональными, мягкими, а мужчины – сильными, мужественными, доминирующими. При всей оппозиции «женского/ мужского» в русской лингвокультуре их образы связаны между собой и представляют части единого целого: невеста/жених, жена/муж, мать/отец.

Заключение

В ходе анализа было установлено, что женские и мужские образы являются доминирующими в текстах народных песен, что объясняется образной многогранностью, смысловой емкостью исследуемого материала. Образные представления женщины и мужчины в текстах народных песен отражают языковую картину мира японцев и русских, передают стереотипные представления об их роли в обществе. Количественное различие исследуемых лексем в сопоставляемых языках свидетельствуют о специфике миропонимания и мироощущения в каждой лингвокультуре.

Большая часть исследуемого материала представлена универсальными представлениями о женщине и мужчине, что передает гендерную стереотипность образов, где женщина олицетворяет внешнюю красоту и внутреннюю мягкость, доброту, а мужчина – силу, уверенность, доминирующую роль. При этом проанализированный фольклорный материал сохраняет национальную специфику японской и славянской культур, отражает японскую и русскую языковую картину мира, что отражается посредством лексико-семантического своеобразия языковых систем.

Таким образом, выделенные в результате проведенного анализа схожие и различные аспекты гендерных стереотипов в фольклорных текстах формируют универсальные характеристики гендерных ролей языковой картины мира японцев и русских, а также объясняют лингвокультурную специфику сопоставляемых языков.

Литература

1. Красных В.В. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология*: Курс лекций. Москва: Издательский дом «Гнозис»; 2002:284.
2. Тарасов Е.Ф. Образ России: методология исследования. *Вопросы психоллингвистики*. 2006;(4):69–73.
3. Уфимцева Н.В. Биологические и социальные факторы в речевом развитии. В кн.: Сорокин Ю.А. *Этнопсихоллингвистика*. Москва: Наука; 1988:163–183.
4. Лукьященко И.Е. Стереотипы в межкультурной коммуникации. *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2023;23(6):29–35. <https://doi.org/10.36979/1694-500X-2023-23-6-29-35>. EDN UNKFHI.
5. Злобина Ю.И. Этнокультурные стереотипы восприятия русских в массовом сознании китайцев (социологический аспект). *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2022;1(11):95–102. EDN UEINIO.
6. Долин А.А. Песни «весёлых кварталов» как литературный феномен эпохи Эдо. *Японские исследования*. 2019;(2):40–62. <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2019-10011>. EDN IAIULI.
7. Яковенко С.В. Фольклор Японии как исторический источник: кейс-стади Доротабо. В кн.: Измestьева И.А. (ред.) *Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты*: Сборник материалов VII Международной научной конференции к 80-летию профессора Г.Н. Тараносовой. В 2-х частях, Тольятти, 17–19 апреля 2023 года. Тольятти: Тольяттинский государственный университет; 2023:210–216. EDN UAFZGV.
8. Шульга А.А. Песенный фольклор рисоводческого обрядового цикла Кореи и Японии. *Современные востоковедческие исследования*. 2020;2(1):85–89. EDN RMKKNHW.
9. Смирнова Д.М. Дидактический потенциал использования текстов энка в процессе обучения японскому языку в языковом вузе. В кн.: Нечаева Л.Т. (ред.) *Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания*: Материалы 5-й международной научно-практической конференции, Москва, 16–18 марта 2023 года. Москва: ООО Изд-во «Ключ-С»; 2023:200–206. <https://doi.org/10.56700/Kluch.2023.82.98.019>. EDN NMHAOR.
10. Мингазова С.Р. Элементы японского фольклора в современной литературе (на примере манги «Клинок, рассекающий демонов»). *Юный ученый*. 2024;2(76):4–7. EDN NUPEQR.
11. Вдовина А.С. Особенности реализации гендерного компонента в художественном переводе (на материале переводов сказок О. Уайлда). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015;2–3(62):145–148. EDN TXTOIB.
12. Сафронова А.И. Представления о мужчинах и женщинах на материале немецкой фразеологии. В кн.: Груенко С.Е., Федорова М.А., Гросс М.А. (ред.) *Актуальные вопросы лингвистики в современном профессионально-коммуникативном пространстве: Материалы VIII Международной молодежной научно-практической конференции, Омск, 23 апреля 2019 года*. Омск: Омский государственный технический университет; 2019:57–61. EDN FUEVSZ.
13. Смердева Е.А. Гендерные стереотипы в русской и английской телевизионной рекламе. *Перевод, реклама и PR в современной коммуникации*. 2020;(1):189–199. EDN KNWFUJ.
14. Романко К.А. Медиа и гендерные стереотипы: как современная реклама формирует и передает гендерные стереотипы через язык. В кн.: Анфиногенова Е.И. (ред.) *Интеграция экономики, менеджмента и образования в новых геополитических реалиях*: Материалы II научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 25 сентября 2024 года. Саратов: ООО «Амирит»; 2024:149–153. EDN IFGQCX.
15. Крылова О.В. Гендерные стереотипы как важнейший элемент гендерной идентичности. *Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета*. 2025;(1):138–141. EDN OGPFGP.
16. Максимова О.Б. Гендерные роли и гендерные стереотипы как социокультурные категории: репрезентационный смысл. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2021;12(2):121–129. EDN DUDJPW.

17. Топоркова Ю.А. Гендерные стереотипы в испаноязычной женской рекламе: переводческий аспект. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024;17(4):1298–1303. <https://doi.org/10.30853/phil20240188>. EDN ECWVPQ.
18. Вотинова Р.Е. Русский песенный фольклор на занятиях по русскому языку как иностранному как средство развития межкультурной компетенции студентов. В кн.: Диль Е.В. (ред.) *Иностранный язык и межкультурная коммуникация: Сборник статей участников XVIII Международной студенческой научно-практической конференции*, Томск, 15–18 апреля 2024 года. Томск: Томский государственный педагогический университет; 2024:112–115. EDN GJATDM.
19. Матасова Т.А. Можно ли укротить море? Образ бурной морской стихии в памятниках русской книжности и народном сознании (XIII–XVIII вв.). *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2024; 65(4):16–38. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-16-38>. EDN SLDZQF.
20. Кузнецова З.А. Эстетическое воспитание молодежи средствами русского музыкального фольклора в учреждениях культуры и образования. *Bulletin of the International Centre of Art and Education*. 2024;(6):186–192. EDN GFWXAG.
21. Хромушина Е.А. Феминность и маскулинность в русском фольклоре. *Культура в евразийском пространстве: традиции и новации*. 2022;1(6):86–90. <https://doi.org/10.32340/2514-772X-2022-1-86-90>. EDN IEFPPK.
22. Петренко Д.И. Русский фольклор в творчестве композиторов XIX века. *Образовательный форум*. 2024;1(21):106–112. EDN LPYAKD.

References

1. Krasnykh VV. *Ethnopsycholinguistics and linguacultural studies: A course of lectures*. Moscow: “Gnosis” Publ. House; 2002:284.
2. Tarasov EF. Image of Russia: research methodology. *Issues of psycholinguistics*. 2006;(4):69–73.
3. Ufimtseva NV. Biological and social factors in speech development. In: Sorokin Yu.A. *Ethnopsycholinguistics*. Moscow: Nauka; 1988:163–183.
4. Lukyashchenko IE. Stereotypes in intercultural communication. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*. 2023;23(6):29–35. <https://doi.org/10.36979/1694-500X-2023-23-6-29-35>. EDN UNKFHI.
5. Zlobina YuI. Ethnocultural stereotypes of perception of Russians in the mass consciousness of the Chinese (sociological aspect). *Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space*. 2022;1(11):95–102. EDN UEINIO.
6. Dolin AA. Songs of the “happy quarters” as a literary phenomenon of the Edo period. *Japanese studies in Russia*. 2019;(2):40–62. <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2019-10011>. EDN IAIULI.
7. Yakovenko SV. Japanese Folklore as a Historical Source: Dorotabo Case Study. In: Izmistieva IA. (ed.) *Text: philological, sociocultural, regional and methodological aspects: Collection of materials of the VII International scientific conference dedicated to the 80th anniversary of Professor G.N. Taranosova*. In 2 parts, Tolyatti, April 17–19, 2023. Tolyatti: Tolyatti State University Publ. House; 2023:210–216. EDN UAFZGV.
8. Shulga AA. Song folklore of the rice-growing ritual cycle of Korea and Japan. *Modern oriental studies*. 2020;2(1):85–89. EDN RMKKhW.
9. Smirnova DM. Didactic potential of using enka texts in teaching Japanese at a language university. In: Nechaeva LT. (ed.) *Japanese Language in University Schools: Current Teaching Issues: Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference*, Moscow, March 16–18, 2023. Moscow: Klyuch-S Publ.; 2023:200–206. <https://doi.org/10.56700/Kluch.2023.82.98.019>. EDN NMHAOR.
10. Mingazova SR. Elements of Japanese Folklore in modern literature (based on the manga “Demon Slayer”). *Young Scholar*. 2024;2(76):4–7. EDN NUPEQR.
11. Vdovina AS. Features of the implementation of the gender component in literary translation (based on translations of O. Wilde’s fairy tales). *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015;2–3(62):145–148. EDN TXTOIB.
12. Safronova AI. Notions of men and women based on German phraseology. In: Gruenko SE, Fedorova MA, Gross MA (eds.) *Current Issues of Linguistics in the Modern Professional and Communicative Space: Proceedings of the 8th International Youth Scientific and Practical Conference*, Omsk, April 23, 2019. Omsk: Omsk State Technical University Publ. House; 2019:57–61. EDN FUEVSZ.

13. Smerdeva EA. Gender stereotypes in Russian and English TV advertising. *Translation, advertising, and PR in modern communication*. 2020;(1):189–199. EDN KNWFUJ.
14. Romanko KA. Media and gender stereotypes: How modern advertising forms and conveys gender stereotypes through language. In: Anfinogenova E.I. (ed.) *Integration of Economics, Management, and Education in the New Geopolitical Realities: Proceedings of the 2nd Scientific and Practical Conference with International Participation*, Saratov, September 25, 2024. Saratov: Amirit Publ.; 2024:149–153. EDN IFGQCX.
15. Krylova OV. Gender stereotypes as the most important element of gender identity. *Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University*. 2025;(1):138–141. EDN OGPFPFG.
16. Maksimova OB. Gender roles and gender stereotypes as sociocultural categories: representational meaning. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2021;12(2):121–129. EDN DUDJPW.
17. Toporkova YuA. Gender stereotypes in Spanish-language women's advertising: a translation aspect. *Philology. Theory & Practice*. 2024;17(4):1298–1303. <https://doi.org/10.30853/phil20240188>. EDN ECWVPQ.
18. Votinova RE. Russian song folklore in Russian as a foreign language classes as a means of developing students' intercultural competence. In: Dil E.V. (ed.) *Foreign language and intercultural communication: Collection of articles by participants of the 18th International student scientific and practical conference*, Tomsk, April 15–18, 2024. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ. House; 2024:112–115. EDN GJATDM.
19. Matasova TA. Is it possible to tame the sea? The image of the stormy sea element in monuments of Russian literature and popular consciousness (13th–18th centuries). *Moscow University Bulletin. Series 8: History* 2024; 65(4):16–38. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-4-16-38>. EDN SLDZQF.
20. Kuznetsova ZA. Aesthetic education of youth by means of Russian musical folklore in cultural and educational institutions. *Bulletin of the International Centre of Art and Education*. 2024;(6):186–192. EDN GFWXAG.
21. Khromushina EA. Femininity and masculinity in Russian folklore. *Culture in the Eurasian space: traditions and innovations*. 2022;1(6):86–90. <https://doi.org/10.32340/2514-772X-2022-1-86-90>. EDN IEFPPK.
22. Petrenko DI. Russian folklore in the works of 19th-century composers. Educational foresight. 2024;1(21):106–112. EDN LPYAKD.

Об авторе

Руфова Елена Степановна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Восточные языки и страноведение», Институт зарубежной филологии и регионоведения, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-1276-7087, RUFL2003@yandex.ru.

About the author

Elena S. Rufova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the chair “Oriental languages”, Institute of Modern Languages and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-1276-7087, RUFL2003@yandex.ru.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 10.11.2025

Поступила после рецензирования / Revised 11.12.2025

Принята к публикации / Accepted 18.12.2025